II 1976

9 8 1

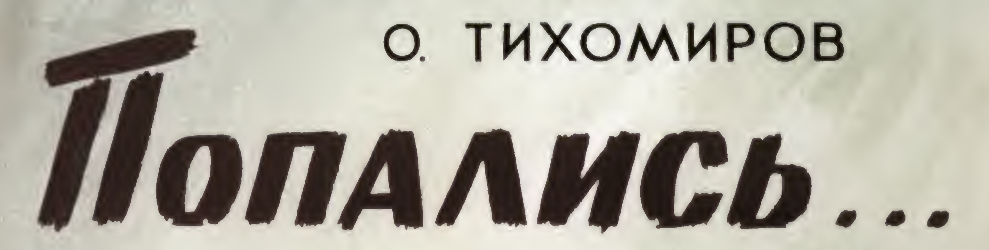
ТУ 19-32-73

5

2

студия
ДИАФИЛЬМ

О. ТИХОМИРОВ

Попались...

ХУДОЖНИК
В. ШТАРКИН

Имя юного красногвардейца Алёши Кузнецова, погибшего в Москве в октябре 1917 года, навечно занесено в Книгу почёта Всесоюзной пионерской организации. В этом диафильме вы познакомитесь с одним из эпизодов его боевой жизни.

Когда в Москве начались октябрьские бои, Алёша вступил в «летучий» санитарный отряд. Он выносил раненых из-под обстрела, перевязывал их, доставлял в домовый госпиталь.

Этого дружинника он подобрал возле Зубовской площади. Алёша вёл раненого осторожно, то и дело останавливался. С трудом они одолели одну улицу. Раненый устал. Повязка его пропиталась кровью.

На углу возле бакалейного магазина по ним вновь стали стрелять. Залечь было негде: место попалось открытое. Кое-как они спрятались за небольшой выступ в стене дома, прижались к холодному кирпичу.

—«Тебя как звать-то?»—проговорил раненый.—«Алёша».— «А меня Кузьмой... И фамилию мою запомни. Сумятин я. Слышь?—Лицо у него белело, губы становились синими.— Всё равно погибать... Ты уходи один, слышь?»

—«Да будет вам!»—Алёша сердито мотнул головой.—«На-ка возьми.—Сумятин протянул ему револьвер.—Тяжёлый, чёрт...»

Алёша повертел в револьвере барабан, патронов там не было. Он сунул револьвер за пазуху.

Пули где-то рядом впивались с сухим треском в стену, откалывая от неё кусочки кирпича. «Пристрелялись»,—подумал Алёша.

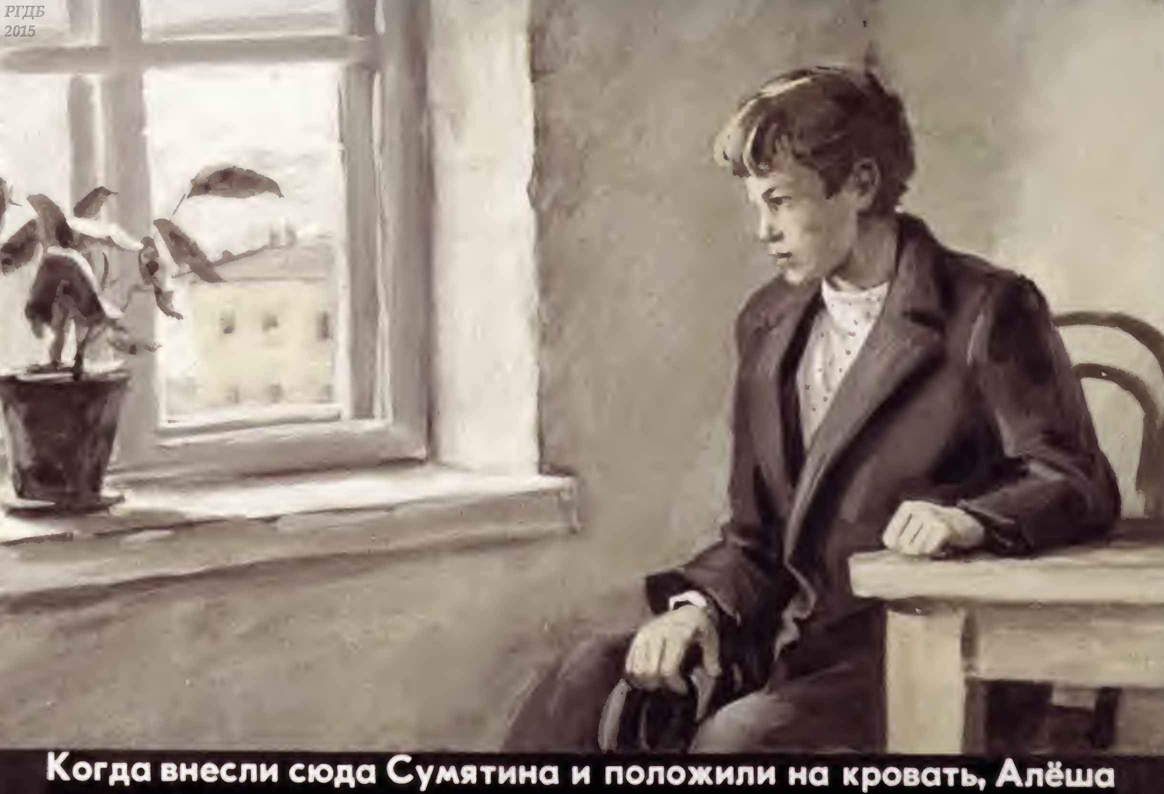
И тут чёрной молнией метнулась к их стене женщина.

Она подхватила раненого и крикнула: «Скорей!»—«Куда же его?—сказал Алёша.—Вон как стреляют».—«Ничего. Я тут рядом живу».

Анна Ивановна—так звали эту женщину—жила на третьем этаже в низенькой комнате, под самой крышей.

Когда внесли сюда Сумятина и положили на кровать, Алёша свалился на стул у окна и некоторое время сидел так, молча и не шевелясь.

Окно выходило в переулок, и Алёша видел, как пешеходы с опаской перебегали от одного дома к другому: сейчас всего можно было ожидать на улицах.

Анна Ивановна разожгла печку.—«Мой-то малец вроде тебя. Тоже весь день где-то шастает»,—сказала она.

Пока поели пустых щей, Алёша узнал, что Анна Ивановна работает уборщицей в аптеке, что муж её сейчас на фронте, а сын Санька тоже «division заделался»—прошлую ночь домой в солдатской шинели приходил.

Потом Анна Ивановна хотела покормить раненого, но Алёша сказал: «Пусть поспит пока. Как проснётся—покормим».— Анна Ивановна покрыла Сумятина одеялом.

В это время у порога раздался топот. Дверь распахнулась, и в комнату вошли два юнкера с винтовками в руках.

Один из них подошёл к окну, глянул в него.—«Лучшего не придумаешь: просматривается весь переулок. Остаёмся здесь, Левашов».

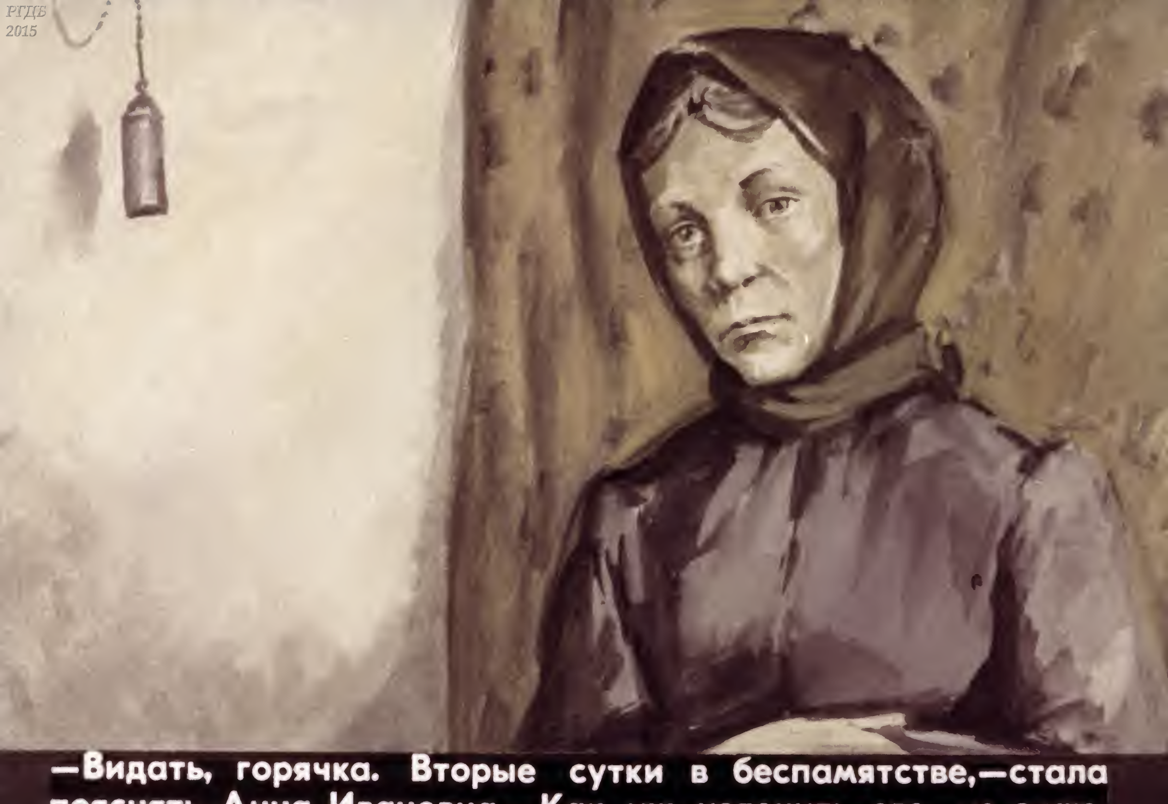
Затем юнкера остановились возле кровати.—«Кто такой?»—спросили они, указывая на Сумятина. Сумятин приоткрыл глаза.

—«Муж мой,—сказала Анна Ивановна.—Или не видите. Больной лежит».

«Попались! Сейчас скинут одеяло—и всё...»—мелькнуло в голове у Алёши. Но юнкер не стал прикасаться к постели. Он лишь спросил: «Что с ним?»

—Видать, горячка. Вторые сутки в беспамятстве,—стала пояснять Анна Ивановна.—Как уж излечить его, не знаю. Может, подскажете, господин хороший...

Юнкер её не слушал. Он теперь смотрел на Алёшу.—«Сын, что ли?»—«Ага,—сказала Анна Ивановна,—сынок».—«Мало он на тебя похож».—«Да уж какой уродился».

—Брось ты их к чёрту!—крикнул от окна Левашов.—Нашёл с кем связываться!—Юнкера приспособились у окна, выставили винтовки.

Выйти да предупредить дружинников о засаде, только как? А может, юнкера отпустят, не обратят внимания?—«Я пойду, мам,—сказал Алёша,—хлеба куплю».—«Ступай,—ответила Анна Ивановна,—ступай!»

—«Ни с места!»—крикнул Левашов. Алёша озабоченно почесал в затылке.—«Хлеба в доме нет. Без хлеба сидим».— «Потерпите,—отрезал Левашов.—Выходить за двери запрещаю».

«Что же делать?—думал Алёша.—Наброситься?.. Небось не одолеешь двоих. И вооружены до зубов... Были бы в револьвере патроны!..»

—Санька! Наконец-то!..—шагнула к нему мать.—А мы с Алёшей ждём-ждём тебя, беспокоимся. На улице-то вон как стреляют. А тут ещё господа пришли,—она показала на юнкеров,—выходить не велят.

—«Санька!—закричал Алёша и бросился обнимать паренька.—Братуха!»—Но Санька ничего не мог понять. Он лишь стоял и хлопал глазами.

—«А это кто?»—кивнул он головой на кровать, где лежал Сумятин. Это было так нелепо, что ни Анна Ивановна, ни Алёша не нашлись, что ответить.

—«Значит, родного папеньку не признал?—ухмыльнулся Левашов, внимательно наблюдавший за «братьями». Он подошёл к кровати.—Комедия закончена. Встать!»—он толкнул Сумятина в плечо.

Тот не шевельнулся, не открыл глаз. Тогда юнкер рывком сдёрнул с него одеяло. Он даже не удивился, что «больной» лежит в верхней одежде и что нога у него перевязана бинтом, сквозь который густо проступила кровь.

—«Хороша горячка,—сказал Левашов.—Взгляни, Кульчицкий...»—Второй юнкер тоже подошёл к кровати, стал рядом с Левашовым.

На какой-то миг они оказались спиной к Алёше. Он сунул руку за пазуху. Револьвер нагрелся, обжигал пальцы. «Эх, патроны бы...» — пронеслось в голове, но больше ни о чём Алёша подумать не смог, потому что Кульчицкий обернулся.

Алёша рванул руку с револьвером.—«Руки вверх!—дико закричал он, наставив дуло на юнкера.—Руки... Стрелять буду!..»

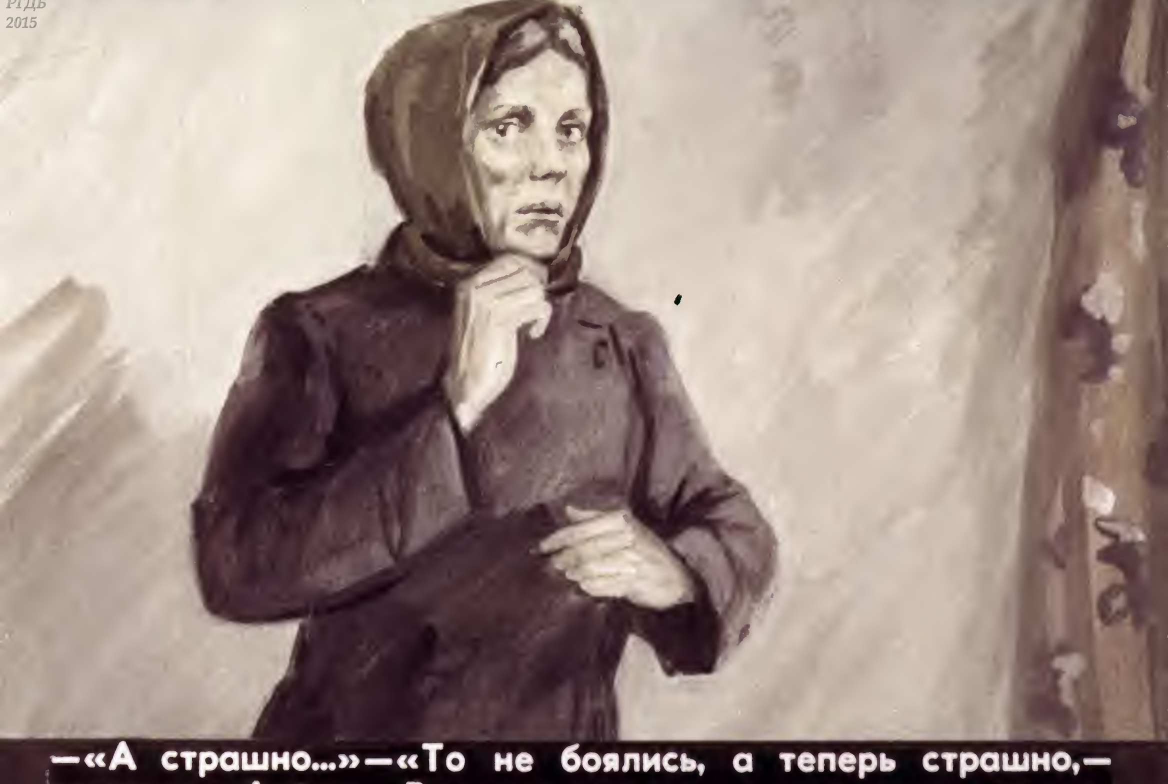
Тотчас же обернулся и Левашов. Но Алёша успел направить революьвер и на него. Юнкера стояли, почти касаясь друг друга, и Алёше удобно было переводить револьвер с одного на другого.

—«Санька, забирай оружие, — проговорил он. — А вы, Анна Ивановна, скорей за дружинниками».—Санька, уже разобравшись, что к чему, подскочил к юнкерам, стал вынимать у них из кобуры револьверы.

Алёша взвёл курки на захваченных револьверах, протянул один из них Саньке.—«Держи под прицелом того длинного.—Алёша кивнул на Левашова.—Чуть что—стреляй. Анна Ивановна, что ж не идёте?»

—«А страшно...»—«То не боялись, а теперь страшно,— огорчился Алёша.—В тот раз на улице-то сильнее стреляли».—«Оставить вас страшно»,—пояснила Анна Ивановна.

—«Чего страшного?—недовольно проговорил Алёша.—Вон у нас какие две пушки».—Он покачал револьвером.—«Не две, а три»,—поправил его Санька.—«Да нет, две. Мой-то без патронов был».

—«Идиот!—скрипнул зубами Левашов, взглянув на Кульчицкого.—Это всё ты, размазня».—«А сам...»—отозвался Кульчицкий.

Анна Ивановна посмотрела на растерянных юнкеров, на ребят с револьверами в руках и нехотя двинулась к двери.— «Ладно уж, схожу»,—проговорила она. Дробно застучали и стихли за дверью её шаги.

КОНЕЦ

Редактор Т. СЕМИБРАТОВА
Художественный редактор
А. МОРОЗОВ

Студия „Диафильм"
Госкино СССР, 1974 г.
101000, Москва, Центр,
Старосадский пер., д. № 7
Цветной 0-30
Д-113-74